

ДЕРЕВНЯ ПРОТИВ ГОРОДА (ОТНОШЕНИЕ ЕНИСЕЙСКИХ КРЕСТЬЯН К ГОРОЖАНАМ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)

В настоящее время привнесённая коммунистической идеологией и ранее присущая отечественной историографии проблема выявления руководящей роли рабочего класса, его союзнических отношений с крестьянством, якобы сложившихся в ходе «социалистического» строительства, начинает уступать место рассмотрению совсем иных, отнюдь не дружественных отношений между городом и деревней. Их противостояние некоторые авторы пытаются показать через призму столкновения разных революций (антифеодальной и общинной с городской и антикапиталистической), образовавших конфликт радикальных и традиционных ценностей¹.

Вызреванию революционной ситуации способствовали сложные взаимоотношения города и деревни, корни которых лежали в особенностях образа жизни и менталитета их населения. Питирим Сорокин отмечал присущий крестьянам более простой сравнительно с горожанами, медленный и созвучный природе строй и ритм жизни, а также их спокойную уравновешенность, здравый рассудок и основательность знаний. По его мнению, деревня являлась оплотом порядка, консерватизма, носителем и хранителем национальных черт и традиций, центром, где создавалась и накапливалась нервная энергия общества². Но традиционные взгляды крестьян на труд, их представления о «трудящихся» и «нетрудящихся» отличались ограниченностью и узостью. Приспособившись к тяжёлой работе в поле, они теряли уважение ко всем людям, неспособным к такому труду. Крестьянские воззрения, выражая глубинные черты самосознания данной социальной общности, проявлялись в распространённом в деревенской среде социально-психологическом феномене, названном в источниках и исследованиях «ревностью к городу». Адресуясь прежде всего к управленцам, служащим и интеллигенции, а затем и к рабочим, которые якобы благоденствовали за счёт деревни, она подстёгивалась общей неприязнью к «господам» и «белоручкам». Эти настроения рассматривались, например, А.М. Горьким как некая определяющая черта психологии русского крестьянства.

Несколько иной взгляд на природу враждебного отношения крестьян к городу высказал сибирский историк И.С. Кузнецов. Хотя подобные явления были всегда характерны для крестьянских стран и, в частности, России, он счёл суждения писателя о том, что крестьяне в силу своей дикости постоянно опасались города как обманщика и не прочь были бы даже вообще его уничтожить, излишне категоричными и односторонними. По мнению исследователя, появление таких представлений в массовом сознании крестьян послереволюционного времени было обусловлено не только их «темнотой», но и рядом конкретно-исторических причин. «Ревность к городу» являлась своеобразной реакцией крестьян на нарушения социальной справедливости, бюрократизмом, воплощением реальных противоречий в экономических отношениях города и деревни, а также свидетельством роста под влиянием революции крестьянского самосознания³.

Правильность такого подхода к определению природы этого явления подтверждается мнением и другого историка, который сообщал, что от города исходило пренебрежительное стремление подчинить село своим потребностям, стилю поведения, покровительственное отношение к любой деревенской инициативе. Деревня же с развитием капитализма, испытывая к городу слабо завуалированную злость, ненависть и зависть, проявляла эти чувства двояко: с одной стороны, она нередко пыталась изолироваться от городской жизни, с другой – интуитивно стремилась занять свою нишу в городской – «лёгкой», как многим крестьянам представлялось, жизни⁴.

Доминирующим чувством в деревне было недоверие к посторонним. Сельскому населению внушали опасения все чуждые, но более всего представители интеллигенции из больших городов, много говорившие и обещавшие, однако мало делавшие и стремящиеся что-то «оторвать» для себя. Как зафиксировано в историографии, крестьяне не просили помощи и не ожидали её из городов. Они с подозрением относились ко всему, что исходило от городского населения и, в частности, пролетариата⁵. Сознание крестьян разрывалось между идеалом безвластия и признанием необходимости не очень «дурной» городской власти⁶.

Весь ход исторического развития способствовал деформации социальной и психологической структуры российского общества, его социально-культурному размежеванию на «город» и «деревню» и противостоянию между ними⁷. Вследствие того, что местная промышленность в Енисейской губернии была неразвита и внутренний рынок имел небольшую ёмкость, город для крестьянства являлся не столько местом рыночных

* © А.П. Шекшеев, 2004.

отношений, сколько торговым посредником⁸. Однако органы Временного правительства, первой Советской власти и омских режимов в условиях политического и экономического кризиса оказались не в состоянии решить проблему вывоза плодов крестьянского труда за пределы губернии и организовать эквивалентный обмен их на промышленную продукцию.

Общим для крестьян при смене политических режимов являлось ожидание от нового правительства всяческих послаблений и активной поддержки путём предоставления промышленных товаров. Последнее интересовало некоторых из них больше, чем, например, итоги октябрьских событий 1917 г. в Петрограде. Выступая на Красноярском уездном крестьянском съезде (декабрь 1917 г.), представитель Сухобузимской волости жаловался на «неправильные» отношения между городом и деревней: мануфактура и железо отсутствовали, а цены на сельскохозяйственные продукты упали. Возмущало его и повышение цен на сахар. Делегат от Есаульской волости высказался за установление твёрдых цен на предметы первой необходимости. Представитель Тертежской волости выступал за эквивалентный обмен с городом через кооперацию⁹. При отсутствии у новой власти промышленных товаров дело доходило до конфликтных ситуаций. Так, 19 декабря 1917 г. крестьяне, приехавшие на красноярские склады обществ «Волга» и «Братья Нобель» за керосином и получившие из-за его недостатка отказ в продаже, грозились разгромить хранилища¹⁰. Но и во время антибольшевистского правления противоречие, возникшее между состоянием сельскохозяйственного рынка и потребностями крестьянских хозяйств, согласно наблюдению очевидца, «вырывало почву у огромной массы крестьян»¹¹. В то же время местные власти независимо от их политической окраски пытались наладить снабжение городов и армии продовольствием, прибегали к его принудительному изъятию. Как правило, усиление налогового пресса государства на крестьянство вызывало со стороны последнего всё новые и новые вспышки вооружённого протеста.

Часто деревня поднималась против досаждавшей ей власти и шла походом на города всем миром, используя принцип «круговой поруки». Среди 6 – 7 тыс. восставших в июне 1918 г. минусинских казаков и крестьян¹² или нескольких сотен рыбинских повстанцев в Канском уезде были середняки и бедняки, интересы которых находились вне политики. Имелись необъяснимые с классовой позиции обстоятельства, во многом определявшие массовость движения крестьян на Минусинск. За повстанческой «армией, подступившей к городу, следовали тысячи пустых подвод и толпы мужиков и женщин, жаждавших его разграбления»¹³. 25 июня 1918 г., на следующий день после падения Советской власти, разоружённые ночью офицерами и казаками крестьяне стали участниками торжественного молебна, организованного в Минусинске по случаю свержения «супостатов», а затем были распущены по домам. Многие из них таким исходом были разочарованы¹⁴.

Ярким проявлением отношения крестьян к городу было Минусинское восстание. Вопреки утверждениям советской историографии о просоветском характере событий¹⁵, имевших место в Минусинском уезде в ноябре 1918 г., они являлись типичным крестьянским бунтом с обилием местных поводов, стихийностью взрыва, быстро угасшего при первой неудаче, отсутствием политической идеи и недостаточной организованностью. В составе 10 тыс. повстанцев находились мобилизованные крестьяне в возрасте от 18 до 50 лет независимо от их имущественного положения, т.е. налицо имелись признаки всекрестьянского движения. Сама попытка овладения повстанческими «армиями» уездного центра смотрелась как прелюдия погрома. Утром 21 ноября 1918 г. защитники города слышали «страшный шум, крики, ругань и песни» и увидели большие толпы «пьяных» людей, надвигающихся на них по дорогам со стороны окрестных селений¹⁶. Сильной являлась бытовая обусловленность декабрьского 1918 г. солдатского выступления и в г. Канске. Поднявший восстание 32-й полк состоял из ранее уклонявшихся от своевременной явки новобранцев и дезертиров, т.е. крестьянской молодёжи, так и не получившей обмундирования¹⁷, но не утратившей связи с деревней. Более того, крестьяне были и непосредственными участниками местных событий. Действовавший здесь в январе 1919 г. военно-полевой суд приговорил к расстрелу жителей с. Рыбинское Г. и А. Трифоновых, чьё участие в восстании заключалось в вооружённых грабежах горожан, а также приказчика общества потребителей И.Соколова, передавшего мятежникам порох, свинец и пистоны¹⁸.

Первым городом, захваченным на время повстанцами, стал Енисейск. Начавшееся здесь в ночь на 6 февраля 1919 г. восстание, будучи, на первый взгляд, солдатским, заслуживает дополнительного изучения не только потому, что публикации содержат разные сведения о деталях этого события. Пересмотра прежде всего требуют его политическая обусловленность и характер. Трудно согласиться с утверждениями советских мемуаристов о том, что восстание произошло с целью захвата власти в губернии, по воле созданного из многочисленных политссыльных подпольного комитета и при поддержке тасеевских подпольщиков¹⁹. Совмещение ряда обстоятельств, а не агитационная деятельность большевиков, обусловило эту повстанческую вспышку.

Объясняя причины партизанского движения, современники и историки не могли обойти своим вниманием вопрос о влиянии на деревню Коммунистической партии и городского большевистского подполья. Выказанные по этому поводу мнения авторов публикаций 1920-х гг. и советских историков были диаметрально

но противоположными. «В глазах сибирской деревни город... был скорее тормозом партизанского движения, чем его руководителем... Отсутствие политического руководства города было основным моментом и главной особенностью партизанского движения... Город разлагал партизан, превращал их в группы кочующих и «шуряющих» «дикарей», – писал очевидец. В другой публикации он же сообщал, что «отсутствие сильного пролетариата в городах и присутствие интервентов... превратили город в глазах сибирских крестьян в оплот наступающей российской и иностранной буржуазии»²⁰. А советские историки считали, что «большая идейно-политическая и организационная работа Первого и Второго красноярских подпольных комитетов способствовала тому, что уже с осени 1918 года началось партизанское движение в енисейском крае»²¹. Отечественная историография утверждала: «Большевистское подполье города, подняв партизанское движение, не выпускало его из-под своего влияния вплоть до прихода Красной армии»²².

Судя по воспоминаниям коммунистов и публикациям историков, в Красноярске с июня 1918 по декабрь 1919 гг. действовали четыре подпольных большевистских комитета. Первый из них выпустил пять листовок общим тиражом в 15 тысяч экземпляров, которые якобы распространялись в сёлах Минусинского уезда. Второй комитет пытался расширить своё влияние на деревню, способствуя росту повстанчества. С этой целью выпускали листовки, посылали людей для создания партизанских отрядов и работы в оружейных мастерских. Партизаны же будто бы снабжались оружием, боеприпасами, медикаментами и др. Меры к объединению отрядов и координации их действий предпринимал и третий комитет²³.

Согласно наблюдениям современников, городское население сочувствовало крестьянам в их борьбе с белой властью, но в отношениях с последней оставалось пассивным. Партизанские вожди пользовались у рабочих авторитетом. Уже после падения колчаковского режима на митинге в красноярских железнодорожных мастерских, организованном Комитетом общественных организаций, группа рабочих, не будучи осведомлённой о политической направленности партизанского движения, предложила передать власть Щетинкину. Тем самым они, по мнению очевидца, подчёркивали, что приоритет революционных действий принадлежит не им, а крестьянству. «Не город, а деревня создавала тогда длительную, непрерывную сопротивление диктатуре Колчака», – заключал выводом он этот эпизод²⁴. Несмотря на отсутствие единого руководящего органа, контрразведчики не только разгромили все красноярские подпольные большевистские комитеты, но весной 1919 г. лишили большевиков всесибирского партийного руководства²⁵.

Безусловно, согласиться с заявлением одного из современников о том, что «никакой связи с восставшим крестьянством у большевиков не было»²⁶, нельзя. Но, если обратиться к конкретике, то очевидным становится, что помощь и влияние подпольщиков ощущались лишь в среде степнобаджейских, перовских и североачинских партизан в начале их движения, а также в отрядах Копылова и Буркова-Зубова, действовавших в окрестностях Красноярска и Боготола. В целом для партизанского движения наличие выявленных нами связных и посланцев говорит о слабости и эпизодической связи с ним большевистского подполья, а значит, и о несостоятельности утверждения советских мемуаристов и историков о руководящей роли последнего в антиколчаковской борьбе енисейского крестьянства.

Очагами партизанского движения становились не только переселенческие сёла, но и такие местности, как Тасеево Канского уезда – богатый район, державший в хлебной зависимости прииски. Приисковыми рабочими была «голытьба», склонная к грабежам и насилию. Антиправительственные действия крестьян всегда были сопряжены с борьбой против городов. Так, одним из решений Больше-Улуйского районного съезда, находившегося под влиянием партизан во главе с П.Е. Щетинкиным, стало запрещение вывоза каких бы то ни было продуктов в Ачинск²⁷. Уже позднее современник о сибирских партизанах сообщал следующее: «Таёжный народ, звероловы, браконьеры, бродяги, так и не изжившие бунтарского хмеля, а там, за ними, тёмная и злобная деревня, кряжистый эгоизм и ненависть ко всему городскому, чужому, «российскому». Когда саранча эта спускалась с гор на города, с обозами из тысяч порожних подвод, с бабами, – за добычей и кровью, распалённая самогонкой и алчностью, граждане молились о приходе красных войск, предпочитая расправу, которая поразит меньшинство, общей гибели среди партизанского погрома...»²⁸.

Однако, несмотря на то, что восприятие жизни в сознании горожан и крестьян в период Гражданской войны заметно сблизилось, город для последних, судя по свидетельствам очевидцев, ещё длительное время оставался чужим и враждебным. Некий красноярец Пётр, видимо, летом 1920 г. писал самарскому другу Волкову, что от крестьян часто можно слышать следующее: «Сначала поморим город голодом, а потом придём с дубинками и выгоним их» (коммунистов. – А.Ш.)²⁹. О враждебном отношении к городу в сёлах, прилегающих к Красноярску, в августе того же года знали и сами власти³⁰. Расследуя причины Заледеевского восстания, начальник политпросветотделения уездного военкомата П.И. Рябченко одну из них видел в том, что город с его пропусками и хлопотами по их оформлению был для крестьян бюрократическим «сущим адом»³¹.

Итак, «ревность к городу» являлась одной из постоянных особенностей, присущих мировосприятию енисейских крестьян. Под влиянием архаизации деревенской психологии и политики властей она во время Гражданской войны усилилась и переросла во враждебное отношение, которое испытывали к городу мно-

гие крестьяне. Антигородская направленность составляла своеобразие крестьянского повстанчества. Крестьянство выступало против города прежде всего потому, что видело в нём сосредоточие властных институтов, политика которых осуществлялась без учёта интересов деревни или возмущала её население. В то же время определённая часть крестьян, рассматривавших горожан как социальную общность, чуждую им своей культурой и образом жизни, стремилась к захвату городов с целью удовлетворения собственных низменных инстинктов. Поведение партизан в городах ещё раз свидетельствовало о наличии в их движении определённой аполитичности и уголовной составляющей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Вопросы истории. - 2002. - № 6. - С. 158; Белая гвардия. - 2002. - № 6. - С. 4.
2. Крестьянская Россия. Сб. IV. - Прага, 1922. - С. 10, 12, 14.
3. Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психологические очерки) / И.С. Кузнецов. - Новосибирск, 2001. - С. 45 – 47.
4. Телицын В.Л. Русская революция 1917 года: деревня против города или перманентная война / В.Л. Телицын // Академик П.Е. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. - М., 2000. - С. 348.
5. Фоминых С.Ф. Сибирское крестьянство в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в освещении англо-американских буржуазных историков / С.Ф. Фоминых // Проблемы истории советской сибирской деревни. - Новосибирск, 1977. - С. 292; Перейра Норман Г.О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. - М., 1996. - С. 72.
6. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В.П. Булдаков. - М., 1997. - С. 114.
7. Сазонов Е.А. Предпосылки формирования большевиками образа «врага народа» к октябрю 1917 г. / Е.А. Сазонов // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории. - Новосибирск, 2001. - С. 6.
8. Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака / Э. Эльцин // Пролетарская революция. - 1926. - № 3 (50). - С. 78 – 79.
9. Рогачёв А.Г. Крестьянские съезды и Советская власть / А.Г. Рогачёв // Власть и общество. Региональные аспекты проблемы. - Красноярск, 2002. - С. 60 – 61.
10. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 258. Оп. 1. Д. 33. Л. 194.
11. Эльцин В. Крестьянское движение... // Там же. № 2 (49). С. 11, 19.
12. Народный голос. - 1919. - 31 (18) декабря.
13. Сибирские записки. - 1919. - Вып. 2. - С. 90.
14. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны / Ю.В. Журов. - Красноярск, 1972. - С. 74 – 75.
15. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917 – 1937 гг.). - Новосибирск, 1983. - С. 51.
16. Более подробно см.: Шекшеев А.П. Не шейте мужикам политики. Минусинское крестьянское восстание: новый взгляд на события / А.П. Шекшеев // Хакасия. - 2003. - 4, 5, 6 ноября.
17. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИ КК). Ф. 64. Оп. 11. Д. 5. Л. 10.
18. Там же. Д. 23. Л. 1.
19. Иванов Г. Тасеевская республика. 1918 – 1920 гг. - Красноярск, 1969. - С. 36; Яковенко В.Г. Записки партизана. - Красноярск, 1988. - С. 52.
20. Эльцин В. Пятая армия и сибирские партизаны // Борьба за Урал и Сибирь. - М.-Л., 1926. - С. 277; Он же. Крестьянское движение... // Там же. - № 3 (50). - С. 79.
21. Годы огневые. Сб. воспоминаний участников Красноярского большевистского подполья и партизанского движения в Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918 – 1920 гг.). - Красноярск, 1962. - С. 16.
22. Гушин Н.Я. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917 – 1937 гг.) / Н.Я. Гушин, Ю.В. Журов, Л.И. Боженко. - Новосибирск, 1978. - С. 121.
23. Годы огневые. С. 14 – 17, 32, 42, 66; Логвинов В.К. В борьбе с колчаковщиной. С. 41, 46 – 47, 54 – 61.
24. Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. С. 26, 51.
25. Балмасов С.С. Функционирование органов власти антибольшевистских правительств Сибири. 1918 – 1920 гг. / С.С. Балмасов // Белая гвардия. - 2001. - № 5. - С. 7 – 8.
26. Эльцин В. Крестьянское движение... // Там же. - № 2 (49). - С. 81.
27. Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 105; Годы огневые. С. 155.
28. Поездка из Петербурга в Сибирь в январе 1920 г. Андрея Левинсона // Архив русской революции. № 3 – 4. - М., 1991. - С. 208.
29. ГАНО. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 83. Л. 24.

30. Там же. Оп. 1. Д. 137. Л. 6.

31. Там же. Оп. 2. Д. 188. Л. 14.